

VI

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ АХАЛКАЛАКСКОГО СЪЕЗДА СЕКТАНТОВ-ПАЦИФИСТОВ

С . А . И н и к о в а

Секта духоборцев² получила широкую известность в России и за рубежом, особенно среди сторонников пацифизма, после демонстративного сожжения в 1895 г. наиболее радикальной ее частью (получившей название «постников») всего имевшегося в их домах оружия. По своему вероучению духоборцы считали каждого человека храмом Божьим, так как в памяти, разуме и воле пребывает Св. Троица, и величайшим грехом — разрушение этого храма. Отказы от службы в армии бывали среди духоборцев на протяжении всей истории существования секты, но они не носили массового характера. Укрывательство дезертиров, своих и чужих, стало одним из пунктов судебного обвинения духоборцев, ссылаясь на которое в 1841-45 гг. они были выслены из Таврии, где проживали компактно в девяти селах с начала XIX в., в Закавказье. В тех районах, где жили сектанты в Закавказье, воинская повинность была введена в 1887 и 1890 гг., поэтому почти полвека вопрос о воинской повинности в среде духоборцев не вставал.

Было бы неправильно представлять, что всегда духоборцы шли прямым путем и были последовательными пацифистами. Их стремление жить в соответствии со своим учением всегда вступало в конфликт с интересами государства. Духоборцы вынуждены были идти на компромиссы, с одной стороны, чтобы сохранить свою общность, с другой, в периоды, когда и государственная политика в отношении сек-

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 97-01-00080.

² В современной литературе обычно членов этой секты называют духоборами. Это искаженное название появилось в конце XIX в. и с легкой руки толстовцев, много писавших о пацифистском движении среди сектантов, закрепилось в литературе. Постепенно и сами духоборцы стали называть себя духоборами. Во время экспедиции к канадским духоборцам мне неоднократно приходилось слышать их неодобрительные высказывания на этот счет. Последние годы и среди наших духоборцев появились люди, считающие необходимым восстановить исконное название своей религиозной группы.

тантов становилась более либеральной. Отказ от насилия, выполнения воинской повинности и в конечном счете защиты государства превратился в главное оружие духоборцев в борьбе с государством.

Сожжению оружия в 1895 г. предшествовал раскол секты, когда большинство признало своим главою П. В. Веригина, и лишь одно село Горелое отказалось присягнуть ему. Государство, вначале в лице местной администрации, а затем и на более высоком уровне, вмешалось в конфликт и встало на сторону меньшинства. Наиболее последовательные веригинцы вынуждены были выехать в Канаду. Оставшиеся в Закавказье менее убежденные сторонники Веригина и его непримиримые противники — жители с. Гореловки (Горелого), хотя и осознавая греховность своего поступка, согласились служить в армии.

В советское время по декрету от 4 января 1919 г. все они были освобождены от службы в армии. На них распространился и новый закон от 18 сентября 1925 г., в соответствии с которым от службы в армии освобождались по постановлению губернских судов лишь члены тех сект, религиозные учения которых запрещали отбывание воинской повинности и до 1917 г. Но уже в это время государство пошло по пути свертывания льгот. Анулировать их в конце 20-х годов правительство все же не решалось. Оно попыталось инспирировать инициативу снизу, так чтобы сами сектанты заявили о своем желании служить в Красной Армии. В сентябре 1928 г. началась подготовка к съезду сектантов Закавказья, на котором последние как раз и должны отказаться от льгот по исполнению воинской повинности. Не случайно, что для осуществления этой акции выбор пал на духоборцев Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии, широко известных среди пацифистов. Кроме того, в уезде проживали молокане, поэтому акция приобретала как бы более масштабный характер.

В нашем распоряжении имеется уникальный документ: воспоминания организатора и участника этого съезда духоборца Г. Г. Балабанова, написанные им в 70-е годы. Этот документ красноречиво свидетельствует о тех методах, к которым прибегали организаторы съезда, чтобы получить желаемую резолюцию. Сильное сопротивление они встретили со стороны жителей Гореловки, враждебно относившихся к советской власти и упорно отказывавшихся от сотрудничества с ней. Пустив в ход хитрость и подлог, организаторы съезда, который прошел в г. Ахалкалаки в 1929 г., сумели достичь нужного результата. После съезда, сектантов, в соответствии с «их желанием», стали брать в армию. И хотя закон 1930 г. предоставлял членам пацифистских сект право в мирное время просить о замене военной службы общепольными работами, а в военное — обслуживанием тыла и фронта, этот закон уже не работал.

О ПРИЗЫВЕ В СОВЕТСКУЮ АРМИЮ ДУХОБОРОВ И МОЛОКАН³

Г . Г . Б а л а б а н о в

В сентябре 1928 г. нас с Илларионом Николаевичем вызвали в уком партии в Ахалкалаки на совместное заседание укома и уика⁴, где решался вопрос о призыве в Красную Армию сектантов. На заседании выдвигались разные предложения для решения этого вопроса и остановились на одном: созыв сектантского съезда духоборов и молокан.

Для этого было решено организовать так называемую инициативную группу для подготовки организации съезда сектантов. В инициативную группу вошли Сбитнев Иван Павлович, Балабанов Кузьма Иванович, Балабанов Гаврила Григорьевич, Глухов Илларион Николаевич, Жабин Иван Ермилович и Третьяков Алексей Васильевич. На заседании инициативной группы официально были поставлены два вопроса: а) о школьном строительстве; б) земельный вопрос и о животноводстве и разные.

Постольку поскольку членами инициативной группы были выдвинуты беспартийные Балабанов К.И., Сбитнев И.П. и Третьяков А.В., то мне было поручено после решения основных, якобы, вопросов — школьного и земельного и о животноводстве — выступить и в «разных» выдвинуть вопрос о службе в советской армии сектантов-духоборов и молокан.

В конце сентября, число не помню, было назначено заседание инициативной группы в здании Ахалкалакского уездного исполкома. Были решены первый и второй вопросы, тогда председатель заседания Жабин спросил, есть ли у кого вопрос в «разных». Я встал и сказал: «У меня есть вопрос. Почему бы нам не поставить вопрос перед съездом о службе в советской армии духоборов и молокан, ведь все служат, а мы находимся на положении пасынков у советской власти. Нам обидно; я

---

³ В публикации сохранены орфография и пунктуация подлинника (Ред)

⁴ Уком — уездный комитет, уик — уездный исполнительный комитет.

считаю, пора нам разрешить этот вопрос». И этот вопрос был внесен в порядок дня будущего съезда.

Мое выступление шокировало дядю Кузю и Сбитнева И.П., и когда мы уселись на фургон и поехали в обратный путь, между нами начался разговор.

— Какие вы, молодые, быстрые, — говорит дядя Кузя, — и зачем тебе надо было высказывать вперед со своим вопросом, кто тебя просил? А может быть съезд не утвердит, тогда на нашу голову ляжет целый позор, ведь это связано с нашей религией, а вы спешите, лезете вперед. А что теперь скажет вам народ? Надо сначала подумать, а потом говорить, а у вас все наоборот: сначала говорите, а затем думаете.

Илларион Николаевич вступился в разговор.

— Кузьма Иванович, а этот вопрос уже был предreshен, и напрасно вы нападаете на Гаврилу, ведь если бы он не сказал, то выступил бы другой.

— Пусть другой и выступал бы, а то он со своей активностью с нас головы срывает. Это, во-первых, а во-вторых, тогда зачем нас вызывали, если этот вопрос предreshен; тогда зачем созывать съезд и вся эта канитель? — говорит Иван Павлович.

— А затем, — сказал Илларион Николаевич, — что это советская власть. Надо решать все вопросы только путем совета, надо советоваться с народом, а ведь когда вас брал в солдаты царь Николай, он с вами не советовался.

— А зачем ты писал заявление в суд, — возразил Иллариону дядя Кузя, — а так бы и служил себе на здоровье.

— Да ума тогда у меня не было, — говорит Илларион.

Разговор поднялся шумный, и наши члены инициативной группы не сдавались, и ехали мы шумно. Наконец, наши старики стали сдавать и постепенно соглашаться с некоторыми нашими доводами. Илларион начал наступать, мол, на вас советская власть надеется, что вы поведете среди масс агитацию за это, что, мол, мы служили при царе царю-батюшке, а теперь наши ребята будут служить не царю, против которого выступали наши предки, и за что сидели в застенках, а будут служить родине, защищать вместе с другими свою родину. Пока проехали шажком тридцатикилометровый путь, старики наши сдались.

— Да разве вас переговоришь. Вы, молодые, теперь все знаете.

— Да и правда, — наконец сказал дедушка Иван Павлович, — они правы, и нам не стоит идти против.

Так началась подготовка к сектантскому съезду, на котором вопрос — признание сектантами воинской повинности — был главным вопросом. Вопрос подготовки масс, агитационная работа, очень медленно продвигалась, но все-таки продвигалась вперед. Мы ездили по молоканским селам, проводили собрания. Надо сказать, молокане

легче шли нам навстречу. Первое собрание мы провели в ахалкалакском бывшем военном городке, где проживали около 70 семей молокан. Это собрание было бурным, и с мест поступало много вопросов, деловые реплики. Многие выступающие с юмором говорили: «Что вы нас агитируете? Вы сначала найдите общий язык с гореловскими стариками, а за нами дело не станет, мы согласны идти служить в советскую армию». Первым вопросом решали о школьном строительстве, вторым — земельный вопрос, третьим вопросом — выбор делегатов на съезд.

Второе собрание провели в Филлиповке тоже легко, правда, несколько стариков выступили против. Когда приехал в Гореловку Буг-ровский, то с Илларионом Николаевичем и Бугровским поехали в Топарованский сельсовет. Была метель, и мы едва к вечеру добрались до молоканского села Владимировки и вечером пошли на собрание. Член инициативной группы Третьяков Алексей Васильевич уже сидел за столом собрания, нас ожидали. Здесь собрание также прошло на высоком уровне; против выступил влиятельный старичок Илья [В. Щebetов]...

Мы с Бугровским поехали в Тамбовку и вечером провели собрание; можно сказать, прошло неплохо. На следующее утро поехали в Родионовку. На следующий день провели собрание и в Родионовке и к вечеру приехали в Гореловку...

Теперь нам предстояло провести собрания в селах Троицком, Ефремовке, Орловке, Спасовке и Богдановке, а Гореловку мы оставили напоследок, предвидя, что в Гореловке будет собрание труднее провести. За неделю мы провели собрания во всех селах за исключением Гореловки. Гореловское собрание было назначено на воскресенье, и в помощь нам приехали из уезда секретарь укома, председатель уика, начальник милиции, прокурор и начальник ОПТУ.

18 февраля к четырем часам дня собрание открыл Илларион Николаевич. Для ведения собрания был избран президиум из 15 человек. Была предоставлена полная свобода выдвижения кандидатов в члены президиума собрания...

Нам с Илларионом Николаевичем было поручено составить проект постановления собрания. Несколько раз собрание разгоралось до белого каления, и наконец дошла очередь читки решения собрания. Собрание как по команде закричало: «Не согласны, дайте протокол, мы сами прочитаем». Дать прочитать в руки масс, — мы знали, что протокол будет разорван. Тогда народ для читки протокола выделил Ослопова Егора Александровича, и когда Егор начал читать, то из зала хором закричали: «Он тоже проданся коммунистам, мы ему не доверяем». И Егор сошел со сцены.

Тем временем, начальник ГПУ и прокурор уговаривали членов президиума не выступать против власти, а лучше подписать всем протокол. Я передал протокол на стол, и первым подписал Щукин Н.Н. В зале закричали: «Предатель! Предатель!» Постепенно все члены президиума подписали протокол, и кое-как удалось утихомирить нестерпимый шум зала. Предложили читать протокол мне. Когда я начал читать, из зала гневно закричали: «Он первый предатель нашей религии». Поднялся невообразимый гвалт в зале. Мне предложили любой ценой вынести протокол из зала. Тогда я, стоя среди сцены, передал Варназову сверток пустой бумаги, вынув из правого кармана под видом протокола, и сказал, что мне нужно выйти по надобностям. Когда я сошел со сцены, меня толпа стала прижимать к стене. Напрасно со сцены кричали пропустить меня и не хулиганить. Я с большим трудом пробирался к выходу. Меня толкали в живот, в лицо, всячески не допускали к выходу. Дышать было трудно, уж близко дверь. Вдруг мне в правый карман засунула руку Томила Анастасия Ф. и ухватила протокол, хотела выхватить из кармана. Я схватил ее за руку и сжал сильно, что она крикнула от боли. Я вырвал протокол из ее руки и старался не давать его. В это время ко мне протянул руку Власов Дмитрий Васильевич и крикнул: «Давай сюда». Я сумел всунуть в его руку протокол, и он с ним исчез в темноте коридора. Меня оставили в покое, и я выскочил в коридор и побежал к заднему выходу, догнал Власова. Было темно, трошил снег. Мы перескочили через каменную изгородь на огород Гололобова Г.А. и присели. За нами бежали четверо ребят вдогонку и, перепрыгнув через загородь, чуть не наступили нам на головы, побежали через двор Гололобова, и мы встали и побежали левее через дом Батурина Ивана Ал. И когда мы выбежали на маленькую улицу и побежали по направлению к нашему дому, то эта четверка, заметив нас, устремилась за нами. Мы бежали так быстро, что я не сумел завернуть к себе домой и забежал к Макасеевым и прямо в лапас заскочил на стоявший там фургон, а Власов побежал дальше... Я побежал домой через огород... Я дорогой взял у Власова протокол, теперь спрятал его под постель. Через минут тридцать собаки наши залаяли. В дверь сильно застучали. Отец подбежал к двери, спросил: «Кто это?» — «Свои, скорее открывай». Я узнал их по голосу, открыл двери в хату; к нам вбежали прокурор Варназов и другие. Мы узнали, что собрание быстро закончилось после нашего ухода и разошлось, и вот теперь и пришли к нам узнать, как наши дела. Я достал из-под постели измятый протокол.

На собрании избрали весь президиум и добавили к ним еще десять человек...

Собрание закончено, и протокол, хоть сильно помятый, но есть. На второй день Гореловка забурлила. Начались разговоры. Одни говори-

ли, что напрасно избрали делегатов, все равно по-нашему не будет; мол, другие села и молokane большинством голосов решат этот вопрос, и наших детей будут призывать служить в Красную Армию. Надо сделать так, чтобы гореловские делегаты не поехали на съезд. Другие, наоборот, настаивали, что надо делегатам обязательно ехать и там, на съезде, отстаивать, что мы, духоборы, не можем брать оружие в руки.

Съезд состоится 6 мая в воскресенье. Остается до съезда два месяца. К нам в сельсовет стали приходиться отдельные старики и женщины с вопросом, можно ли чтобы делегаты не поехали на съезд. Почему для этого созывают съезд? Если есть закон, то пускай власть берет в армию силой и так далее.

Накануне съезда мне позвонил Чолокия и спросил, как обстоят дела с делегатами на съезд. Я сказал, что трудно сказать; по селу идут разные разговоры. Тогда Чолокия выругался и сказал: «Сейчас же пошли нарочных», — что по каждому селу отвечают за явку делегатов на съезд следующие товарищи: по Троицкому — Коврига А.И., по Ефремовке — Гончаров В.А., по Гореловке — Балабанов Г.Г., по Орловке — Астафуров Г.В., по Спасовке — Глухов И.Н., по Богдановке — Даватян, по Владимировке — Третьяков А.В., по Тамбовке — Гончаров А., по Родионовке — милиционер, по Военгородку и Филипповке — Жабин И.Е. Мне категорически сказал: «Я ничего не знаю, за стопроцентную явку делегатов отвечаешь ты; надоело с вами нянчиться, попробуй не выполнить, тогда пеняй на себя», — и повесил трубку. Я очутился в весьма неловком положении. Тогда я принимаю рискованное решение: собираю группу бедноты и договариваюсь с ними. В случае, завтра делегаты откажутся ехать, тогда я выписываю всем членам бедноты мандаты, и все члены группы бедноты едут на съезд.

Утром 6 мая я обошел всех делегатов, и все, как один, категорически отказались ехать. Чолокия в 8 часов утра позвонил и узнал, что делегаты не едут, накричал на меня, обозвал меня очень страшно и сказал, что я срываю съезд и чтобы я немедленно был в ПТУ.

Я выдал мандаты членам группы бедноты. Все собрались, как один, и мы галопом поехали. Не доезжая за километр до г. Ахалкалаки, мы увидели, что через дорогу были протянуты полотна красной материи и <...> красивым шрифтом написано: «Привет делегатам уездного съезда сектантов» и «Добро пожаловать, уважаемые избранные народа».

Нас встретили очень хорошо, и, как с фургонов — прямо в столовую. Я рассказал положение, и меня похвалили, что принял единолично такое опрометчивое решение. И теперь в 7 часов вечера будет первое вечернее заседание съезда. Затем — столовая, кино и гостиница. Под гостиницу были отведены большие холлы, освобожденные разными учреждениями.

После нашего отъезда в Гореловке собрался летучий митинг, на котором выступавшие говорили: «Поехали на съезд шантрапа и как хотят, так и решат; надо ехать всем делегатам и там отстаивать и твердо стоять на своем». И к 4 часам подъехали все выборные делегаты.

Чолокия извинился передо мной, что незаслуженно так отругал меня и такими оскорбительными словами. Комиссия в составе: Чолокия, Назаров С., Варназов в маленьком кабинете беседовали с горе-ловцами, с каждым отдельно. В одну дверь делегат входил, а выходил через другую прямо в зал съезда. Съезд начался под звуки «Интернационала», исполненного духовым оркестром, который затем сопровождал съезд все три дня. Был избран президиум съезда. Хорошо не помню, кажется, в президиум вошли все члены инициативной группы и Саша Назаров и другие. В секретариат вошли Балабанов Гаврила Григорьевич и Жабин Иван Ермилович. Как проходил съезд, у меня нет под рукой материала, и для этого необходимо разыскать в архивах протокол съезда сектантов Ахалкалакского уезда.

*Личный архив наследников Г. Г. Балабанова.
«248»*

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ-МЛАДШИЙ И НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В АМЕРИКЕ

Р о б е р т   Д ж о н с о н

Мартин Лютер Кинг-младший родился в обществе, где расовая сегрегация была почти полной. Люди африканского или смешанного происхождения («цветные») не могли учиться в тех же школах, сидеть в тех же парках, есть в тех же ресторанах или пользоваться теми же фонтанчиками для питья, что и белые. Они жили в разных районах и посещали разные церкви. Если они нуждались в медицинской помощи, их не могли принять в те же больницы, где лечили белых. Когда они умирали, их хоронили на разных кладбищах. Когда они произносили клятву в суде, они клали руку на «негритянскую» Библию. И хотя белые защитники такого общества уверяли, что расы являются «раздельными, но равными», на деле условия их жизни были совершенно неравными. Были широко распространены нищета и угнетение, а возможности для улучшения жизни ничтожно малы.

Хотя сегрегация существовала на всей территории Соединенных Штатов, наиболее ярко она проявлялась в южных штатах бывшей Конфедерации — в одиннадцати штатах, которые попытались отделиться от Американской республики в 1860-х годах. Это был регион, где рабство афро-американцев процветало. Освобождение было провозглашено декретом президента Авраама Линкольна в 1863 г., на взлете Гражданской войны, введено по всей территории страны после поражения Юга в 1865 г. и вновь подтверждено четырнадцатой поправкой к конституции, которая сделала всех граждан равными перед законом. В течение короткого периода после войны чернокожие в этом регионе пользовались избирательным правом, а также многими другими гражданскими свободами. Однако менее чем за два десятилетия белым расистам удалось вернуть себе власть — часто с использованием тактики терроризма.

Ку-клукс-клан был одним из нескольких тайных обществ, которые применяли избиения и убийства с целью запугивания чернокожих.

Члены клана, носившие белые балахоны и маски, устраивали ночные вылазки с факелами. Они поджигали дома и церкви чернокожих «смутьянов», а также избирали законодателей-сегрегационалистов, которые могли бы отменить те права, что были гарантированы чернокожим всего несколько лет назад. «Законы Джима Кроу» 1880-х и 1890-х годов успешно отобрали у чернокожих право голоса и установили жесткое разделение между расами. Федеральное правительство в Вашингтоне, которое во времена Линкольна обеспечило права чернокожим, теперь закрывало глаза на их угнетение.⁵

Чернокожие искали утешения в своих церквях. Они создали также сильные и сплоченные сообщества внутри тех рамок, которые позволялись сегрегацией, используя каждую возможность, которую предлагало разделенное общество. Некоторые получали высшее образование в колледжах для чернокожих и становились учителями, церковнослужителями и (реже) адвокатами и врачами. Однако даже для этого достигшего успеха меньшинства границы расово разделенного общества оставались почти непреодолимыми.

В начале XX века большое число чернокожих стали переезжать к северу, в такие города, как Филадельфия, Вашингтон, Нью-Йорк и Чикаго, которые предоставляли большие возможности для устройства на работу и продвижения. Здесь сегрегация также процветала, но была менее явной и менее всеобъемлющей. В течение нескольких десятилетий ручеек миграции превратился в поток, и стали возникать такие большие и полные жизни негритянские сообщества, как Гарлем в Нью-Йорке.

В эти же самые десятилетия были предприняты первые крупномасштабные усилия негритянского народа по созданию организаций против расизма и сегрегации: Национальная ассоциация за продвижение цветных (NAACP), основанная в 1909 г. д-ром У. Дю Буа, Национальная городская лига в 1910 г. и Всеобщая ассоциация за улучшение положения негров, основанная Маркусом Гарвеем в 1917 г. Используя разнообразную тактику — всегда демократическую и ненасильствен-

---

⁵ В Американской конституции соотношение власти между федеральным правительством в Вашингтоне и правительствами отдельных штатов не определено с достаточной четкостью. В какие-то периоды двухсотлетней истории республики «права штатов» преобладали, в другие периоды превалировала федеральная юрисдикция. Отмена рабства, утвержденная и введенная в действие Четырнадцатой поправкой к Конституции Соединенных Штатов в 1866 г., явилась сильным аргументом в пользу федеральной власти. С 1870-х до 1940-х годов, однако, федеральный президент, Конгресс и Верховный суд редко вмешивались в расистскую практику и расистское законодательство отдельных штатов.

ную, — эти и другие группы пытались улучшить жизненные условия чернокожих и преодолеть угнетение, которое нес с собой расизм.

НААСР использовала такую стратегию, которая подвергала сомнению законность сегрегации, и начала серию судебных дел, подтверждавших равные права чернокожих граждан. Она также обеспечила регистрацию избирателей, и к 1940-м годам число чернокожих, которые были зарегистрированы как избиратели (особенно в северных городах), стало достаточно большим для того, чтобы избрать несколько кандидатов-негров на официальные должности. Однако во многих районах Юга существовали огромные препятствия к голосованию. Во всем штате Миссисипи, где почти половину всех граждан составляли чернокожие, едва ли 2% взрослого негритянского населения были зарегистрированы как избиратели. От тех, кто пытался зарегистрироваться, требовали пройти специальные тесты, составленные местными белыми чиновниками, — например, от них могли потребовать объяснения неясных мест в конституции. Если этого было недостаточно для того, чтобы их обуздать, применялось насилие. В результате в Миссисипи и других штатах существовали целые графства, в которых ни один чернокожий гражданин не был зарегистрирован как избиратель.

Другие группы пытались напрямую противостоять расизму. В 1941 г. коалиция профсоюзов и организаций чернокожих объявила массовый поход на Вашингтон, требуя, чтобы федеральное правительство отказалось заключать контракты с работодателями, которые допускали дискриминацию против чернокожих. Накануне похода президент Франклин Рузвельт согласился принять это требование, и лидеры согласились отменить поход.

В 1942 г. группа молодежи из пацифистской организации Братство Примирения (FOR) в северном городе Чикаго предприняла попытки выступить в публичных местах против сегрегации путем ненасильственных «сидячих забастовок». Смешанные в расовом отношении группы садились за столы в подчинявшихся принципу сегрегации ресторанах и отказывались уходить до тех пор, пока не будут обслужены чернокожие члены их группы⁶. Эти попытки имели непродолжительный характер по причине последовавших арестов и недостатка ресурсов в организации, но менее чем год спустя участники движения собрались опять, чтобы сформировать новую межрасовую организацию, Конгресс расового равенства (CORE). Джеймс Фармер, один из лидеров чикагской сидячей забастовки, позднее стал первым национальным директором CORE, и в последующие десятилетия эта организация стала одним из столпов американского движения за гражданские права.

---

⁶ Farmer J. Lay Bare the Heart: An autobiography of the civil rights movement. New York, 1985. P. 106ff

В 1946 г. Федеральный суд постановил, что сегрегация является незаконной в автобусах, которые курсируют из одного штата в другой⁷. Тогда FOR организовало «Поход Свободы», дабы проверить, исполняется ли это постановление. Межрасовая группа в течение нескольких недель ездил по южным штатам, настаивая на том, чтобы белые и чернокожие сидели в автобусах вместе. Эта группа встретила лишь с немногими случаями насилия, но сегрегация встречалась часто. Однако двое из ее членов были арестованы за «нарушение мира» и приговорены к тридцатидневному пребыванию в окопах вместе с другими каторжанами⁸.

В 1948 г. президент Гарри С. Трумэн выпустил президентский указ о прекращении сегрегации в армии США, в которой до того времени чернокожие солдаты помещались в отдельные отряды. Президент Трумэн предложил также большой пакет новых законов с целью защиты гражданских прав всех граждан. Американский конгресс отказался утвердить эту программу, но главные ее пункты стали целями кампании за гражданские права, развернувшейся десятью годами позже.

Другое важное событие произошло 17 мая 1954 г., когда Верховный суд Соединенных Штатов единогласно постановил, что сегрегация в школах противоречит конституции. Это законодательное решение было всего лишь первым шагом. В течение последующих лет чернокожие студенты зачастую сталкивались с насилием, когда пытались воспользоваться своими вновь подтвержденными правами. В городке Литтл Рок, штат Арканзас, в 1956 г. местные власти не смогли или не пожелали обуздать толпу скандализованных расистов, которые помещали чернокожим детям записаться в школу для белых. Несколько дней спустя президент Дуайт Эйзенхауэр послал в этот город федеральные отряды, чтобы подавить мятеж и исполнить закон. Такой сценарий повторился во многих штатах в последующие годы.

Все эти эпизоды имеют одну общую черту. Чернокожие граждане использовали мирную и законную тактику, чтобы осуществить свои демократические права, но их усилия блокировались двумя путями: либо нарушавшими закон толпами и террористическими группами, либо государственными чиновниками, которые искажали закон, чтобы поддержать сегрегацию. Такой опыт позволил многим чернокожим

---

⁷ Суды интерпретировали Конституцию США таким образом, что федеральное правительство не имеет права регулировать деятельность внутри отдельного штата, оно может оказывать влияние только в том случае, если эта деятельность пересекает границы штатов.

⁸ Rustin B. Down the Line. Chicago, 1971. P. 13 ff. Автор этой книги был одним из тех, кто подвергся аресту и приговору. Позднее он играл выдающуюся роль в движении за гражданские права и был одним из организаторов Марш³ на Вашингтон в 1963 г.

лидерам испробовать новую тактику прямой ненасильственной конфронтации, чтобы бросить вызов несправедливым законам и оскорблениям со стороны государственной власти и чтобы показать свою собственную веру и преданность путем рискованных для своих тел и даже самой жизни действий.

Выросший в таком мире, Мартин Лютер Кинг-младший быстро выделился как талантливый студент с особым даром ораторского искусства. Будучи сыном и внуком знаменитых священнослужителей, он начал учиться на пастора, но в отличие от большинства чернокожих южных пасторов его поколения отправился на Север, чтобы продолжить свои занятия. Он посещал теологический семинар Кроузера в Филадельфии, а затем завершил свою докторскую диссертацию в Бостонском университете.

Он возвратился на Юг в 1954 г., чтобы стать пастором знаменитой баптистской церкви на Декстер авеню в Монтгомери, штат Алабама. Менее чем за год он оказался лидером в расцветающем национальном движении за равенство. Решительным моментом в Монтгомери стало 1 декабря 1955 г., когда Роза Парке, швея, была арестована за отказ уступить свое место в автобусе белому человеку. Вместо того чтобы просто заплатить штраф, она передала свое дело в высшие суды и тем самым бросила вызов принципу сегрегации.

Разделение белых и чернокожих в автобусах Монтгомери было источником больших трений в предыдущие годы, но арест м-сс Парке дал толчок массовым выступлениям. В течение 24 часов был объявлен бойкот: чернокожие не станут пользоваться автобусами в Монтгомери, пока правила не будут изменены.

Был созван публичный митинг, и многотысячная толпа заполнила самую большую негритянскую церковь и прилегающие кварталы. Обращаясь к этой огромной аудитории, д-р Мартин Лютер Кинг-младший напомнил им, что они являются американскими гражданами, желающими осуществить свои законные права. «Пришло время, — заявил он, — когда народ почувствовал себя усталым от того, что его топчут железными сапогами угнетения», и он должен заявить свою твердую позицию. «Мы здесь не защищаем насилия... Мы христианский народ». Тем не менее злу сегрегации следует противостоять. Он перефразировал библейского пророка Амоса: «Мы здесь, в Монтгомери, твердо решили трудиться и бороться, пока, как вода, не потечет суд, и правда — как сильный поток!»⁹ Д-р Кинг был избран президентом новой гражданской организации, Ассоциации перестройки Монтгомери, которая была призвана осуществлять координацию бойкота до тех пор, пока не будет достигнута победа.

⁹ Ам. 5.24. См. Branch T. Parting the Waters: America in the King years, 1954-63. New York, 1988. P. 139-141.

Бойкот продолжался почти целый год. Многие чернокожие шли пешком вместо того, чтобы ехать в автобусах. Для тех, кто не мог идти пешком, комитет организовал сеть добровольных такси, которые перевозили пассажиров за небольшую плату или совсем бесплатно. Местные власти устроили травлю против д-ра Kinga и его помощников, им угрожали большими штрафами и тюремным заключением, но они продолжали бойкот до ноября 1956 г., когда Верховный суд США подтвердил решение низшего суда о том, что автобусная сегрегация в Алабаме незаконна. Лидеры бойкота отпраздновали свою победу в декабре, проехав по городу на тех местах, которые прежде резервировались для белых. Их победа, однако, была омрачена серией нападений на церкви и отдельных людей, организованных местными расистами. В дом самого д-ра Kinga была брошена бомба, то же произошло с домами и церквями других известных лидеров. Очевидно, что борьба за равенство только еще начиналась.

События в Монтгомери стали катализатором протеста по всему Югу. В начале 1957 г. на конференции в Атланте, штат Джорджия, была создана новая организация, названная «Южная конференция лидеров по транспортиции и ненасильственной интеграции», позднее она стала называться «Южная христианская конференция лидеров». Д-р King был избран ее президентом с мандатом выступать против несправедливости, основываясь на «христианской любви с полным знанием ее силы для противления злу». Одной из первых акций этой группы было молитвенное паломничество в Вашингтон в мае 1957 г., в котором участвовали более 25 000 людей со всех концов Соединенных Штатов. Д-р King произнес главную речь. С рефреном «Дайте нам право голоса» он изложил план тех изменений, которых могут достичь чернокожие избиратели. Он упрекал правительство президента Дуайта Эйзенхауэра в том, что оно делало слишком мало, чтобы поддержать права чернокожих, и призвал своих слушателей разойтись по домам и мирно бороться за справедливость: «... [Мы должны избегать] фальши, ненависти или злобы. Никогда не надо поддаваться горечи... Нашей целью никогда не должно быть победить или унижить белого человека... Мы должны действовать так, чтобы сделать возможным объединение белых и цветных людей на основе действительной гармонии и взаимопонимания»¹⁰.

Д-р King был одним из нескольких появившихся в то время лидеров, которые пропагандировали политику ненасильственного гражданского неповиновения, но он был самым из них знаменитым, самым сильным и красноречивым. Его портреты печатались на обложках национального журнала новостей «Тайм», его заваливали приглаше-

---

¹⁰ A Testament of Hope: The essential writings of Martin Luther King, Jr. By J. M. Washington. Cambridge, 1986. P. 38.

ниями выступить с речью. Однажды он в течение двенадцати месяцев проехал 750 000 миль, встречаясь с разными группами по всем Соединенным Штатам, а иногда и за рубежом. Он посетил церемонию провозглашения независимости африканского государства Ганы в 1957 г., а несколько месяцев спустя был вместе с несколькими другими лидерами чернокожих приглашен встретиться с президентом Эйзенхауэром, чтобы обсудить осуществление федеральным правительством защиты гражданских прав. В 1959 г. он провел месяц в Индии, изучая принципы ненасилия, применявшиеся М. Ганди.

Подобно многим другим чернокожим лидерам своего поколения, д-р Кинг испытал глубокое влияние учения и примера Ганди, но это не было единственным источником его пацифизма. Его привлекали также произведения Генри Дэвида Торо и американских теологов Рейнольда Нибура и Пола Тиллиха. Однако более всего д-р Кинг и его ближайшие единомышленники руководствовались глубокой христианской традицией любви к врагам и воздаяния добром за зло. В 1960 г. он писал: «Я пришел к выводу... что христианское учение о любви, действуя посредством гандистского метода ненасилия, является одним из самых сильных орудий, доступных угнетенным в их борьбе за свободу».

Следуя примеру бойкота в Монтгомери, различные группы активистов по всему Югу стали применять эти принципы к широкому спектру местных проблем и кампаний. В марте 1960 г. студенты колледжа в Гринсборо сели за столики признававшего сегрегацию кафе и потребовали, чтобы их обслужили". В отличие от сидячего протеста в Чикаго в 1942 г. случай в Гринсборо привлек всеобщее внимание. Через несколько недель примеру Гринсборо последовали повсюду в Соединенных Штатах. Демонстранты навешивали специальные знаки на подчинявшиеся сегрегации магазины и рестораны, которыми владели национальные корпорации. Корпоративные собственники, которые часто жили не на Юге, были более чувствительны к экономическому давлению, особенно когда протестующие начали пикетировать и бойкотировать их магазины в общенациональном масштабе.

Сидячие протесты были опасным делом. Часто вызывалась местная полиция, чтобы «восстановить мир», и она восстанавливала его, избивая демонстрантов дубинками. Такие организации, как CORE, быстро научились организовывать семинары по ненасилию, на которых демонстрантов учили, как сопротивляться, не употребляя силы. Их обучали, например, сцеплять руки и ноги, чтобы помешать полиции их вытащить из цепи. В некоторых местах они применили тактику, которая использовалась профсоюзами в прежнее время, приковывая себя к зданиям, чтобы помешать полиции их увести. Более важно то, что

---

¹¹ Morris A. D. The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. New York and London, 1984. P. 187-205.

демонстранты показывали пример страдания и выносливости перед лицом сил подавления. День за днем газеты и телевидение сообщали о том, как участники акций протеста выносят ужасные оскорбления. В ответ на это еще большее число сочувствующих, как черных, так и белых, присоединялись к движению сопротивления.

Весной 1960 г. родилась новая организация, Студенческий ненасильственный координационный комитет (SNCC). В последующие годы она предприняла ряд наиболее боевых и опасных кампаний во всем движении за гражданские права. Вскоре она соединилась с NAACP, CORE и SCLC для того, чтобы организовать новую акцию против сегрегации: рейды Свободы. Как и в 1947 г., группы демонстрантов должны были проехать по южным штатам, проверяя, действительно ли все удобства на автобусных вокзалах подверглись десегрегации. Когда первый автобус въехал в штат Алабама, он был атакован толпой, вооруженной железными брусками, в городе Эннистон. Водитель пытался продолжить свой путь по дороге к Бирмингему, но смутьяны Эннистона последовали за ним в своих автомобилях. Одна из шин автобуса оказалась проколотой, и через несколько миль возникла необходимость остановиться. В этом месте смутьяны избили тех, кто ехал в автобусе, и подожгли его. Второй автобус доехал до Бирмингема, но и там нашел ожидающую его толпу; полиции не было видно. Местный полицейский чин, предвидя беспорядки, дал своим людям выходной и распустил их по домам.

Та же история повторилась во многих других местах. Участники рейда Свободы избивались до потери сознания. Ломались их кости, выбивались зубы. В Монтгомери, штат Алабама, один из демонстрантов был облит легко воспламеняющейся жидкостью и подожжен. И все же они продолжали придерживаться принципа ненасилия и настаивать на полном осуществлении своих демократических свобод. Их стратегия имела три главные цели: убедить других чернокожих выступить за свои права, разбудить совесть у белых и заставить федеральное правительство в Вашингтоне поддерживать закон, когда местные власти его нарушают.

Кампания гражданского неповиновения вступила в новую стадию в Олбани, штат Джорджия, в декабре 1961 г., когда вслед за сидячими демонстрациями был проведен ряд маршей, в которых тысячи протестующих были арестованы. Д-р Кинг был приглашен к ним присоединиться. Приехав в город, он стал убеждать своих многочисленных слушателей быть настойчивыми в ходе кампании: «Мы измотаем их нашей способностью страдать»¹². На следующий день он и несколько сотен его последователей были арестованы за проведение несанкцио-

---

¹² Brooks Th. R. Walls Come Tumbling Down: A History of the Civil Rights Movement, 1940-1970. Englewood Cliffs, New York, 1974. P. 160 ff.

нированной демонстрации. Последовали волны новых протестов, участниками их часто были подростки. Когда на них нападали, они опускались на колени и молились. Они пели гимны, когда полиция их арестовывала, и клялись заполнить тюрьмы до отказа. Демонстрации и аресты в Олбани продолжались более шести месяцев. Хотя там было меньше насилия, чем в других местах, все тюрьмы в городе были действительно переполнены настолько, что некоторых демонстрантов вынуждены были посылать в заключение в соседние города. Однако несмотря на затянувшиеся переговоры, группы протестующих не смогли достигнуть значительных уступок со стороны городских властей. Более того, правительство президента Джона Кеннеди, которое вмешивалось в борьбу по другим поводам, казалось, не желало быть вовлеченным в эти события.

Весной 1963 г. лидеры движения обратили свое внимание на большой город Бирмингем, штат Алабама, где другой пастор, преподобный Фред Шаттлуорс, организовал местную коалицию по борьбе с сегрегацией. 3 апреля начались демонстрации, и 20 или 30 человек были арестованы. Неделю спустя, в страстную пятницу, преп. Шаттлуорс, д-р Кинг и около 50 других лидеров возглавили марш к центру города, где они и были арестованы. Находясь в тюрьме, д-р Кинг написал свое «Письмо из Бирмингемской тюрьмы», которое было позднее перепечатано и размножено в миллионах экземпляров как манифест ненасильственного движения протеста¹³.

Письмо было адресовано белым церковнослужителям Бирмингема, которые убеждали демонстрантов прекратить свой марш. В нем он призывал их рассмотреть подспудные причины недавних демонстраций. Бирмингем, отмечал он, «был, возможно, наиболее сегрегированным городом в Соединенных Штатах», и его расовые барьеры в течение многих лет возводились путем жесточайшего насилия. Местные организации чернокожих пытались вести переговоры о том, чтобы знаки «только для белых» были убраны с магазинов, но их усилия оказались напрасными. Им осталась только одна альтернатива: «предоставить сами тела наши как средства изъяснения нашего дела, взывая к совести местного и общенационального сообщества». Таким путем они вызовут «созидательное напряжение», которое заставит общество повернуться лицом к проблеме, которую при иных условиях обойдут вниманием. Без такого нажима статус-кво никогда не изменится.

Д-р Кинг описывал жестокости и унижения, с которыми чернокожим гражданам приходится сталкиваться ежедневно, — такое обращение поддерживалось несправедливыми законами. При таких об-

¹³ Полный текст этого письма опубликован в кн.: «A Testament of Hope». P. 189ff.

стоятельствах бросить вызов этим законам становится христианским долгом — в том случае, если это делается открыто, с любовью и с полным приятием наказания. Если зло следует исправить, его прежде всего надо открыть перед всеми. Неповиновение несправедливым законам имеет традиции, восходящие к библейским временам, и все же белые христианские пастыри, зная, что сегрегация аморальна, отказывались ей противостоять. Д-р Кинг характеризовал такое отношение как «жуткое молчание хороших людей».

Критики, отмечал он, характеризуют движение за гражданские права и его лидеров как экстремистов, но история христианства дает множество примеров «экстремизма», начиная с примера самого Иисуса. На Голгофе «трое мужчин были распяты за то же самое преступление — преступление экстремизма. Двое из них были экстремистами безнравственности... Третий, Иисус Христос, был экстремистом любви, истины и добра...» Первые последователи Иисуса тоже были «смутьянами», готовыми страдать и умереть за свою веру. Без такой веры и преданности церкви стали бы «слабым, невзрачным голосом с неопределенным звуком... неуместным общественным клубом, не имеющим значения для двадцатого века».

Он завершил письмо похвалой бирмингемским демонстрантам за их «великую смелость, их готовность к страданию и поразительную дисциплину в условиях самых бесчеловечных провокаций... Придет время, и Юг узнает, что, когда эти лишённые наследства дети Божий сидели у буфетной стойки, они на самом деле стояли за... самые священные ценности в нашем иудео-христианском наследии».

Пока писались эти слова, ситуация в Алабаме ухудшилась. Уильям Мур, белый идеалист, который начал свое собственное одинокое паломничество по Югу, чтобы провозгласить равенство рас, был застрелен насмерть. Когда члены SNCC попытались продолжить его марш, полиция штата Алабама жестоко избивала их дубинками с электрошоком. 2 мая новая волна демонстраций в Бирмингеме закончилась арестами около 950 человек, а на следующий день глава городской полиции приказал использовать полицейских собак и пожарные брандспойты против демонстрантов. Они ответили: «Пускайте вашу воду, спускайте ваших собак, мы будем стоять здесь, пока не умрем». События в Бирмингеме попали на первые страницы новостей во всем мире и подняли вопрос о гражданских правах более, чем все прежние события.

Как и в других случаях борьбы, демонстранты твердо держались принципа ненасилия. Тысячи отправились в тюрьму, и тюрьмы были переполнены до отказа, еще тысячи бойкотировали подчинявшиеся

---

¹⁴ Morris A. D Op. cit, p. 268.

сегрегации магазины в центре Бирмингема. Опасаясь, что ситуация может взорваться, президент Кеннеди послал чиновников высокого ранга из Федерального департамента юстиции, чтобы помочь провести переговоры и достичь мирного соглашения, и спустя несколько дней белая элита приняла большинство требований демонстрантов. В наиме сотрудников и в обращении с посетителями владельцы магазинов больше не будут относиться к чернокожим как к людям второго сорта.

За Бирмингемской кампанией последовала волна подобных же акций по всему Югу — более 750 демонстраций в течение десяти недель, более чем в 150 городах и поселках. Расистская оппозиция, однако, тоже возрастала. В Бирмингеме ку-клукс-клан устроил сходку, и несколько домов и церквей было взорвано в то самое время, когда проходили переговоры. В июне лидер NAACP Миссисипи Медгар Иверс был убит возле своего дома, а в сентябре четверо чернокожих детей в классной комнате библейской школы были убиты и еще двадцать ранены бомбой, которую бросили террористы. Когда др-р Кинг и другие лидеры протеста думали о будущем, они усматривали реальную опасность в том, что сторонники насилия — как чернокожие, так и белые — могут взять верх.

Озабоченные медленным движением перемен на местном уровне, лидеры чернокожих направили свое внимание к Вашингтону, где в конгрессе обсуждался новый акт о гражданских правах. В нем было предложено запретить расовую дискриминацию в общественных местах и усилить власть федерального правительства по введению равноправия. Такой закон являлся одной из главных целей движения за гражданские права в течение более двадцати лет, но каждое предыдущее предложение или ослаблялось, или отвергалось. Работая вместе с национальными профсоюзами и рядом белых религиозных лидеров, коалиция организаций чернокожих призвала к общенациональному маршу на Вашингтон, чтобы потребовать реформ. Ведущими фигурами этого марша стали Филип Рэндольф, лидер союза проводников спальных вагонов, и Бэйард Растин, чернокожий радикальный пацифист, который принимал участие в первом походе Свободы в 1946 г. 28 августа толпа, насчитывавшая 250 000 человек — примерно четверть из них были белыми, — собралась перед памятником Линкольну, чтобы потребовать работы и свободы, дабы покончить с расизмом и нищетой.

Самый волнующий момент настал тогда, когда Мартин Лютер Кинг-младший поднялся на трибуну. Он начал свою речь с описания огромной важности тех проблем, которые стояли перед Америкой. Он высоко оценил деятельность борцов за гражданские права, «на которых обрушивались бури гонений и сокрушительные ветры полицейских жестокостей». Характеризуя их как «ветеранов созидательного

страдания», он убеждал их повернуть обратно на Юг и идти в гетто северных городов и продолжать борьбу. «Есть у меня мечта», — сказал он и красноречиво описал будущее братство и равенство между расами. «Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг... С этой верой мы сможем вместе работать, вместе молиться, вместе идти в тюрьму, вместе стоять за свободу, зная, что когда-нибудь мы станем свободными»¹⁵.

Лидеров Вашингтонского марша ободрило то, что президент Кеннеди лично приветствовал их и пригласил в Белый дом. Перед началом марша президент уговаривал черных лидеров быть терпеливыми и умерить свои требования. Теперь же он, казалось, слышал их голоса и признавал необходимость в немедленных действиях. Спустя четыре месяца, после того как Кеннеди был убит в Далласе, его преемник Линдон Джонсон заявил, что утверждение акта о гражданских правах станет лучшим из возможных памятников мертвому президенту. Оппозиция в конгрессе была наконец преодолена, и 2 июля 1964 г. новый акт был подписан и стал законом.

Еще с 1930-х годов одной из главных целей движения за гражданские права была регистрация в качестве избирателей больше чернокожих, но результаты были неравномерными. В крайних случаях, таких, как Миссисипи или Алабама, не удалось добиться больших изменений, и только малое число чернокожих (6% в Миссисипи) могли быть допущены к голосованию. Главные организаторы протеста — NAACP, SCLC и SNCC — в 1964 г. решили сделать регистрацию избирателей своей главной задачей. Местные активисты, которым помогали команды извне, стали организовывать образовательные занятия для избирателей и поощрять жителей ходить на них. Продвижение к регистрации было полно опасностей. «Смутьянов» регулярно избивали и иногда убивали. Особенно жестоким делом стало убийство трех молодых работников этой кампании, двое из них были с Севера, из графства Нишоба. Их машину местный шериф остановил за превышение скорости и затем передал всех троих членам ку-клукс-клана; их пытали и в конце концов убили.

В начале 1965 г. город Селма, штат Алабама, стал центром другого движения за регистрацию избирателей; работа шла в близлежащих сельских графствах (Даллас и Перри). Более половины населения этого района составляли чернокожие, и все же число зарегистрированных было очень мало. В январе несколько чернокожих учителей, когда они попытались зарегистрироваться в суде графства Даллас, были избиты помощниками шерифа. Д-р Кинг, который только что был награжден Нобелевской премией мира, присоединился к борьбе 1 февраля и был

---

¹⁵ A Testament of Hope, p. 319.

арестован вместе с 700 своими последователями. Марши и демонстрации, проходившие в течение последовавших двух месяцев, были встречены с особой жестокостью. В графстве Перри один чернокожий избиратель был забит до смерти во время стычки с полицией. Джону Льюису, лидеру SNCC, раскроили череп, когда отряды полиции, некоторые из них на лошадях, напали на группу участников марша недалеко от Селмы, а пятьдесят других были ранены или затоптаны¹⁶.

По причине опасности, которую она на себя навлекала, кампанию по регистрации избирателей следует рассматривать как продолжение прежней тактики гражданского неповиновения. Активисты опять рисковали своими жизнями, чтобы бороться с сегрегацией. Они надеялись вдохновить местных чернокожих на действия и обратиться к совести более широкой публики. Показателем их успеха стало все увеличивавшееся участие белых, в том числе южан, в демонстрациях. (Один белый проповедник с Севера был забит до смерти в Селме, а одна белая женщина из Мичигана была убита выстрелом, когда принимала участие в большом марше протеста к столице штата — Монтгомери.) Другим таким показателем было твердое выступление президента Джонсона в пользу нового и более сильного акта об избирательных правах, который давал федеральному правительству возможность посылать специальных агентов для регистрации избирателей туда, где местные власти отказывались это делать. Этот акт, который был подписан и стал законом в августе 1965 г., вызвал наплыв регистрации, и чернокожих кандидатов стали избирать на важные общественные должности в местах, где всего несколько лет назад представители их расы не имели права голосовать.

Несмотря на эти успехи, движение за гражданские права стало вскоре выдыхаться. Одной из причин было нетерпение молодых чернокожих, которые стали выступать как против стратегии, так и против целей более старших, главных организаций. Расовая интеграция, как думали многие, является лишь утопической мечтой: даже если белое общество будет вынуждено принять чернокожих как совершенно себе равных — нечто такое, что многие считали невозможным, — интеграция вырвет чернокожих из их культурной самобытности. Для этих критиков ненасильственная борьба была тоже тупиком. Им была нужна «власть чернокожих», а ее можно достигнуть только путем более активных форм борьбы, даже вплоть до вооруженной революции. К 1966 г. эта точка зрения вызвала глубокий раскол в таких организациях, как SNCC и CORE. Хотя сторонники насильственной борьбы составляли меньшинство, некоторые из самых энергичных лидеров

---

¹⁶ Lawson S. F. Running for Freedom: Civil Rights and black politics in American society since 1941. Philadelphia, 1991. P. 108-117; Brooks T. R. Op. cit., p. 254 ff.

прежних кампаний, такие как лидер SNCC Стокли Кармайкл, теперь отрелись от своей прежней приверженности ненасилию.

Ненасильственное движение потерпело еще одно поражение, когда доведенные до нищеты чернокожие в городских гетто вдалеке от Юга устроили серию бунтов между 1964 и 1968 гг. Поджоги и грабежи в широких масштабах произошли в Харлеме (Нью-Йорк Сити), Детройте и в районе Уоттс Лос-Анджелеса. В ответ на это многие белые граждане стали склоняться к решению социальных проблем с позиций закона и порядка. Сочувствие и симпатии, которые завоевали чернокожие своей прежней борьбой, подтачивались.

За этими переменами стояли две другие проблемы. Одна заключалась в том, что после того, как из-под ног сегрегации был выбит ее законодательный фундамент, чернокожим американцам пришлось столкнуться с более сложными и тонкими барьерами. Законодательно закрепленное равенство с белыми не привело автоматически к экономическому равенству, а также не преодолело незримых препятствий расовых предрассудков в обеспечении жильем, обучении и рабочих местах. Чернокожие могли покупать в общих для всех магазинах и питаться в общих ресторанах, но их средний доход составлял едва ли половину того, что получали белые. Они могли голосовать и посылать своих детей учиться в общие школы, но большинство не могли купить домов в белых кварталах или найти работу в хорошо оплачиваемых профессиях.

Второй проблемой было то, что федеральное правительство, возглавляемое президентом Джонсоном, после мощной поддержки движения за гражданские права оказалось втянутым в войну во Вьетнаме — событие, которое породило глубокие разногласия во всем американском обществе. Те ресурсы и та энергия, которые могли быть использованы для решения внутренних проблем, стали направляться в войну за пределами США. В то же самое время многие активисты, которые играли главную роль на начальной стадии движения за гражданские права, теперь направили свою энергию на антивоенную кампанию.

Вместе со многими другими ветеранами прежних битв Мартин Лютер Кинг-младший пытался уделить внимание обеим проблемам. После кампании в Селме в 1965 г. его внимание привлек Север, где он возглавил демонстрации против более изощренных форм расизма. В 1966 г. он принял участие в кампании под названием «Открытый город», целью которой было гарантировать занятость и приемлемое жилье для обнищавших чернокожих в Чикаго. Толпы белых забрасывали марши и демонстрации камнями, особенно в окрестностях заселенного исключительно белыми городка Сисеро, штат Иллинойс. Во время мятежей белых в Уоттсе и некоторых других городах д-р Кинг и

другие лидеры кампании за гражданские права пытались утихомирить мятежников и убедить их возвратиться к ненасильственным методам протеста. Разъяренные обитатели трущоб обращали на это мало внимания.

Что касается Вьетнама, д-р Кинг протестовал против войны по нескольким причинам. Более всего он чувствовал, что его христианская проповедь была проповедью мира: он должен был быть «верен своему убеждению, что я разделяю со всеми людьми призыв быть сыном живого Бога... Мы призваны защищать слабых, тех, кто сам не может говорить, жертв со стороны нашей нации и тех, кого она называет врагами...». С таких позиций любая война была для него отвратительна⁷.

Однако именно эта война особенно беспокоила его по разным причинам. Соединенные Штаты, по мнению д-ра Кинга, поддерживали ряд продажных и диктаторских правительств в Южном Вьетнаме. В попытках помочь им американские вооруженные силы без разбора использовались против гражданского населения. Деревни сжигались и посеы уничтожались напалмом. Более того, военные отряды пехоты включали непропорционально большое число чернокожих солдат. По словам Д-ра Кинга, «мы забирали чернокожих молодых мужчин, искалеченных нашим обществом, и посылали их за восемь тысяч миль для того, чтобы гарантировать такие свободы в Юго-Восточной Азии, которые они не смогли найти в юго-западной Джорджии и в восточном Харлеме». В течение трех летних периодов, добавлял он, он и другие уговаривали чернокожих мятежников избегать насилия, а им возражали: «А как насчет Вьетнама?... [Разве] наша страна не применяет массированный натиск насилия, чтобы решить свои проблемы...[?]»¹⁸.

По этим причинам д-р Кинг решительно боролся против войны. Он выступал во время многих походов и маршей, в том числе во время марша к площади Объединенных Наций в Нью-Йорке в апреле 1967 г., в котором участвовали более чем 100 000 человек. За это его беспрестанно критиковали и даже обвиняли в том, что он против Америки или что он — коммунист. Среди его критиков были и такие, кто шел с ним плечом к плечу во время прежних кампаний. Но подобно своему знаменитому тезке Мартину Лютеру, он настаивал, что у него не было иного выбора, чем следовать голосу своей религиозной веры. Многие участники кампаний по защите гражданских прав разделяли эти убеждения.

Активные противники войны стали применять элементы тактики гражданского неповиновения, которая использовалась в движении за гражданские права. Они начали организовывать сидячие забастовки возле призывных пунктов, мазали кровью правительственные доку-

---

¹⁷ A Testament of Hope, p. 234.

¹⁸ Ibid., p. 233.

менты, ложились на рельсы перед поездами, которые везли солдат, и старались многими другими способами использовать ненасильственные методы, чтобы выразить свой протест против войны. И встречали такое же сопротивление, с каким сталкивались чернокожие, в том числе разъяренные толпы и насилия полицейских,

В последние месяцы своей жизни д-р Кинг помогал организовывать новый марш на Вашингтон с целью выявить и показать проблемы нищеты в Америке. В апреле 1968 г. он был приглашен в Мемфис для поддержки чернокожих санитаров, которые бастовали против городской администрации. В речи 3 апреля он призвал граждан Мемфиса проявить большую решимость и помочь сделать Америку тем, чем она должна быть. «Как любой, — сказал он, — я хотел бы прожить долгую жизнь... Но сейчас я не забочусь об этом. Я просто хочу исполнять Божию волю... Я не боюсь ни одного человека. Глаза мои видели славу Господнего пришествия»¹⁹. На следующий день он был убит.

Более тридцати лет прошло со смерти д-ра Кинга, а «земля обетованная», которую он провидел, так и не была достигнута. Чернокожие американцы добились огромных успехов в одних областях и плелись в хвосте в других. Права, за которые демонстранты страдали и боролись, — право участвовать в выборах, право на равное с белыми отношение в судах и публичных местах, право на одинаковое образование — все были утверждены, но буква закона не всегда соблюдалась. В то же время нищета в городских гетто остается прежней, и пропасть в общем жизненном уровне между белыми и черными, хотя и сократилась, все еще имеет значительные размеры.

Все эти годы принципы ненасильственного сопротивления, которые вели движение за гражданские права в 1960-х годах, продолжали применяться в поддержку многих различных дел, в том числе экологии и мира, а также расового равенства. (Одной из наиболее мощных кампаний была попытка американских сельскохозяйственных рабочих-мексиканцев в 1970-х и 1980-х годах организовать союз на виноградниках Калифорнии — попытка, которая, как и движение за гражданские права, принесла частичную победу, но оставила множество нерешенных проблем.) Ненасильственное сопротивление, равное по масштабам тому, что происходило в Монтгомери или Сельме, не имело продолжения, но смелость и лидерство д-ра Кинга и тысяч других вдохновили миллионы. Это движение 1960-х годов стало источником надежды и решимости, но также и вызовом самодовольству, напоминанием Америке о неисполненных обещаниях и непобежденном зле. Это наследие не только мира и любви, но жертвы и сопротивления.

¹⁹ Miller W. R. Martin Luther King Jr., His life, martyrdom and meaning for the world. New York, 1968. P. 275-276.

После смерти Мартин Лютер Кинг-младший стал почитаем как лидер и пророк. В его родном городе Атланта продолжает работать Центр Ненасильственных социальных перемен имени Мартина Лютера Кинга. Там есть исследовательские, образовательные программы, обучение принципам, философии и методам ненасилия. В 1977 г. он был награжден президентской Медалью Свободы, на которой начертано: «Его мечты все еще поддерживают нас».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ниже публикуется полный текст известного «Письма из Бирмингемской тюрьмы» М.Л. Кинга, которое является наиболее полным и глубоким выражением его концепции ненасильственного гражданского неповиновения. Немногим более половины текста этого письма было опубликовано в русском переводе, выполненном С.Д. Шифриной и Ж.Г. Ямпольской, в книге: М.Л. Кинг. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления (М., «Наука», 1970, стр. 65-76). Этот перевод, как указано составителями, сделан с издания: M.L. King. Letter from Birmingham Jail. Freedom Now! The Civil Rights Struggle in America. New York, 1964, pp. 10-21.

Предлагаемый ниже перевод делался по другому изданию, относящемуся примерно к тому же времени: Martin Luther King, Jr. Why We Can't Wait. New York: Harper & Row, 1963, 1964. В текстах этих публикаций имеются очень небольшие и незначительные по смыслу расхождения.

Важно другое. Текст письма М.Л. Кинга подвергся в русском переводе 1970 г. значительным сокращениям. Из письма удалено около 42% его текста, причем иногда факт купюры отмечен многоточиями, иногда нет. Купюры носят ярко выраженный цензурный характер. Мартин Лютер Кинг был пастором баптистской церкви, причем пастором потомственным, как он сам пишет. Естественно поэтому, что его письмо, как и другие статьи и речи, наполнено аргументацией убежденного христианина, ветхозаветными и новозаветными ассоциациями и образами, цитатами, ссылками на пример Христа. Издатели письма в 1970 г. сочли, что эта религиозная аргументация не должна быть доведена до советского читателя. В результате письмо в таком переводе оказалось выхолощенным, лишенным живой опоры на Евангельскую этику, которая занимает огромное место в идеологии ненасильственного сопротивления, разработанной М.Л. Кингом. Более того, даже сам характер перевода искажает направленность мыслей автора. В ряде случаев вычеркнуты упоминания о Боге и Христе, о долге христиан; заменены казенными и ничего не говорящими понятиями такие

слова, как «праведность», «молитвенное паломничество», «грех», «нравственность» и др.

Кроме того, из письма удалены слова, содержащие критику коммунистической системы и гонений на религию в коммунистических странах, а также многие места, где говорится о понятиях справедливости, правосудия, об американской мечте и о свободе.

Поскольку такое «исправление» и «редактирование» текстов само по себе исторически знаменательно, мы сочли необходимым выделить курсивом все купюры, отсутствующие в издании 1970 г. Пусть читатель сам судит о воззрениях выдающегося борца за права человека, теоретика и практика ненасильственного сопротивления, каким был М.Л. Кинг, по этому первому полному изданию его «Письма из Бирмингемской тюрьмы» на русском языке.

ПИСЬМО ИЗ БИРМИНГЕМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЫ М. Л. Кинг-младший

ДОРОГИЕ МОИ СОБРАТЬЯ-СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ!

Заключенный здесь, в городской тюрьме Бирмингема, я прочел сделанное вами недавно заявление, называющее нашу текущую деятельность «неумной и несвоевременной». Я редко берусь отвечать на критику моей работы и моих идей, если вообще берусь. *Если бы я старался ответить на все критические замечания, которые попадают ко мне на стол, мои секретари должны были бы заниматься этим в течение едва ли не всего дня, а у меня не осталось бы времени на созидательную работу.* Но поскольку я чувствую, что вы — люди искренней доброй воли и критика ваша имеет столь же искренний характер, я хотел бы ответить на ваше заявление, надеясь, что смогу выразиться в духе разумном и терпеливом.

Я думаю, что должен объяснить, почему я оказался в Бирмингеме, ибо на вас повлияли доказательства и аргументы «со стороны» Я имею честь служить президентом Южной конференции Христианского Водительства, организации, действующей в каждом южном штате с главным офисом в Атланте, Джорджия. У нас имеется восемьдесят пять подопечных организаций по всему Югу — одна из них Христианское движение за права человека в Алабаме. Когда это представляется необходимым и возможным, мы делимся своим штатом, образовательными и финансовыми ресурсами с нашими подопечными. Несколько месяцев назад наша местная подопечная организация здесь, в Бирмингеме, пригласила нас быть готовыми к участию в программе ненасильственных прямых акций, если они будут сочтены необходимыми. Мы с готовностью согласились, и когда

настал час, выполнили свое обещание. Так я оказался здесь вместе с несколькими моими сотрудниками, потому что мы были сюда приглашены. Я здесь потому, что имею здесь основательные организационные связи.

Кроме того, я нахожусь в Бирмингеме потому, что здесь царствует беззаконие. Подобно тому, как пророки восьмого века (до Р.Х. — Прим. пер.) оставляли свои деревни и несли свое «Так говорит Господь» далеко за пределы границ своей округи; и подобно тому, как апостол Павел оставил свою деревню Таре и понес Евангелие Иисуса Христа буквально в каждое селение и каждый город греко-римского мира, я был вынужден нести евангелие свободы за пределы моего родного города. Подобно Павлу, я должен постоянно отвечать на призывы македонян о помощи.

Более того, я знаю, как тесно взаимосвязаны между собой все города и штаты. Я не могу спокойно сидеть в Атланте, не заботясь о том, что происходит в Бирмингеме. Беззаконие в одном месте угрожает справедливости повсюду. Мы охвачены неразрывными нитями взаимосвязей, облечены единым одеянием судьбы. То, что непосредственно затрагивает одного из нас, косвенно затрагивает всех. Мы уже больше никогда не сможем жить с узким, провинциальным представлением об «агитаторах-чужаках». Никто из живущих в Соединенных Штатах никогда не может рассматриваться как «чужак» в своей стране.

Вы считаете возмутительными демонстрации, которые в настоящее время происходят в Бирмингеме. Я сожалею, однако, что ваше заявление не содержит подобного же внимания к тем условиям, которые вызвали эти демонстрации. Я уверен, что никто из вас не хотел бы уподобиться поверхностному социальному аналитику, который учитывает только результаты и не ищет лежащих в глубине причин событий. Я не колеблясь скажу: тот факт, что так называемые демонстрации происходят сейчас в Бирмингеме, — это несчастье; но я бы сказал еще более резко — еще большим несчастьем является то, что властные структуры белых в этом городе не оставляют негритянскому сообществу иного выхода.

Любая кампания ненасильственных действий состоит из четырех основных этапов: 1) сбор фактов, чтобы определить, действительно ли происходит беззаконие; 2) переговоры; 3) самоочищение и 4) прямые действия. Мы в Бирмингеме прошли через все эти этапы. Факт, что расовая несправедливость поглотила это сообщество, неопровержим.

Бирмингем — возможно, наиболее резко сегрегированный город в Соединенных Штатах. Отвратительный перечень жестокостей полиции в нем известен во всех уголках страны. Неправедливое обращение с неграми в его судах — общеизвестная реальность. Нераскрытых взрывов негритянских домов и церквей в Бирмингеме больше, чем в

любом другом городе этой страны. Таковы страшные, кровавые, но неопровержимые факты. Исходя из этих условий, лидеры негров пытались устроить переговоры с отцами города. Но политические лидеры постоянно отказывались участвовать в переговорах доброй воли.

В сентябре прошлого года появилась возможность поговорить с некоторыми лидерами экономических кругов. В ходе этих переговоров предпринимателями были даны определенные обещания — такие, как обещание убрать унижающие достоинство расовые надписи с магазинов. На основании этих обещаний преп. Шаттлсуорс и лидеры христианского Движения за права человека в Алабаме согласились призвать к мораторию на любые виды демонстраций. Прошли недели и месяцы, и мы увидели, что стали жертвами нарушения обещаний. Надписи оставались на месте. Как много, много раз до этого, наши надежды были попораны, и темная тень глубокого разочарования спустилась на нас. У нас не оставалось иного выбора, кроме подготовки прямой акции, в ходе которой мы пожертвовали бы нашими телами, чтобы привлечь внимание к нашему делу и воззвать к совести общества — и в местном, и в общенациональном масштабе. Мы не преуменьшали трудностей, которые стояли перед нами. Поэтому мы решили пройти через процесс самоочищения. Мы начали проводить семинары по ненасилию и постоянно, снова и снова задавали себе вопрос: «Способен ли ты принимать удары, не давая сдачи?» «Способен ли ты вынести испытание тюрьмой?». Мы решили приурочить нашу программу прямых действий ко времени Пасхи, понимая, что наряду с рождественскими праздниками это самый оживленный период покупок в году. Зная, что побочным результатом прямой акции станет тщательно подготовленный бойкот экономической системы, мы понимали, что это лучшее время для оказания давления на торговцев с целью добиться от них необходимых перемен. Затем нам пришлось в голову, что впереди мартовские выборы, и потому мы поспешно решили отложить акцию до дня, следующего за выборами. Когда мы узнали о том, что м-ра Коннора собираются прокатить на выборах, мы опять решили отложить акцию, чтобы демонстрации наши не были использованы для того, чтобы этому помешать. В это время мы согласились начать наше ненасильственное свидетельство после выборов.

Это показывает, что мы не шли к прямой акции безответственно. Мы хотели увидеть поражение м-ра Коннора и потому откладывали раз за разом, дабы помочь нуждам этого сообщества. После этого мы почувствовали, что прямую акцию нельзя больше откладывать.

Вы с полным правом можете спросить: «Почему прямая акция? Почему сидячие забастовки, марши и т.п.? Не лучший ли путь — переговоры?» Вы совершенно правы в своем призыве к переговорам. На самом деле это и есть цель прямой акции. Ненасильственная прямая

акция стремится к созданию такого кризиса и к установлению такой созидательной напряженности, которая заставила бы общество, постоянно отказывавшееся от переговоров, встать лицом к лицу с проблемой. Она стремится так драматизировать проблему, чтобы ее больше нельзя было игнорировать. Я только что упомянул о создании напряженности как части работы участника движения ненасильственного сопротивления. Это может прозвучать довольно неожиданно. Но я должен признаться, что не боюсь слова «напряженность». Я серьезно работал и проповедовал против насильственной напряженности, но существует тип конструктивной, ненасильственной напряженности, которая необходима для роста. Подобно тому, как Сократ чувствовал, что необходимо создать такую напряженность в умах, чтобы люди могли подняться от сковывающих сознание мифов и полуправд к свободному царству творческого анализа и объективных оценок, мы должны видеть нужду в ненасильственных нападениях, чтобы создать такой вид напряженности в обществе, которая поможет людям подняться от темных глубин предрассудков и расизма к могучим вершинам взаимопонимания и братства. Так что целью прямой акции является создание такой чреватой кризисом ситуации, которая неизбежно откроет путь к переговорам. И потому мы сходимся с вами в вашем призыве к переговорам. Наш родной Юг слишком долго увязал в трагических попытках жить в монологе, а не в диалоге.

Один из главных пунктов вашего заявления — то, что наши акции несвоевременны. Кое-кто спрашивал: «Почему вы не дали новой администрации времени для действий?» Единственный ответ, который я могу дать на этот вопрос, — это то, что новую администрацию следует подталкивать так же энергично, как и прошлую, чтобы она начала действовать. Мы сделаем прискорбную ошибку, если подумаем, что избрание м-ра Баусвэша принесет Бирмингему Царство Божие. Хотя м-р Баусвэлл гораздо более четко выражается и намного вежливее, чем м-р Коннор, оба они — сегрегационисты, преданные задаче поддержания статус кво. Надежда, которую я питаю относительно м-ра Баусвэлла, заключается в том, что он будет достаточно разумен, чтобы видеть тщетность жесткого сопротивления десегрегации. Но он не увидит этого без давления со стороны приверженцев прав человека. Друзья мои, я должен сказать вам, что мы ничего не добьемся в борьбе за права человека без самоотверженного законного и ненасильственного давления. История — это длинный и трагический рассказ о том, что привилегированные группы редко уступают свои привилегии добровольно. Отдельные лица могут смотреть на вещи в свете нравственности и добровольно уйти со своих незаконно занятых постов; но, как напоминал Рейнольд Нибур, группы более безнравственны, чем отдельные лица.

Мы знаем на собственном горьком опыте, что угнетатели никогда добровольно не даруют свободу угнетенным; угнетенные должны сами требовать ее. *Честно говоря, я еще никогда не участвовал в движении прямых акций, которые совершались бы «как раз вовремя», соответственно расписанию, составленному теми, кто не страдал безвинно от болезни сегрегации.* Я слышал слово «Подождите!» в течение многих лет. Оно звучит в ушах каждого негра пронзительно и знакомо. Это «Подождите!» почти всегда означает «Никогда». *Оно было успокоительным транквилизатором, на какой-то момент облегчающим эмоциональный стресс, но только для того, чтобы породить больное дитя по имени безысходность. Мы должны увидеть вместе с замечательным юристом, сказавшим вчера, что «правосудие, слишком надолго отложенное, значит отмененное правосудие».* Более трехсот сорока лет мы ждали данных нам Богом и конституцией прав. Народы Азии и Африки со скоростью реактивного самолета движутся к политической независимости, а мы все еще тащимся на лошади и с черепашьей скоростью к тому, чтобы выпросить чашечку кофе у буфетной стойки. Я полагаю, что легко тем, кто никогда не чувствовал жалящих стрел сегрегации, говорить «Подождите!» Но если вы видели разъяренные толпы, линчующие ваших матерей и отцов по своему желанию и топящих ваших сестер и братьев по своему капризу; если вы видели, как исполненные ненавистью полицейские поносят, пинают, жестоко избивают и даже убивают ваших черных братьев и сестер безнаказанно; если вы понимали, что огромное большинство ваших двадцати миллионов негров-братьев зажаты в тисках нищеты посреди полного изобилия окружающего их общества; если вы внезапно чувствовали, что ваш язык заплетается, а ваша речь запинается, когда вы пытаетесь объяснить своей шестилетней дочери, почему она не может пойти в парк публичных развлечений, о котором только что объявили по телевизору, и видите, как слезы наворачиваются ей на глаза, когда ей говорят, что Город забав закрыт для цветных детей, и видите, как печальные облака осознания своего уничтожения начинают покрывать небо ее маленькой души и ее маленькая личность начинает искажаться из-за бессознательной горечи по отношению к белым людям; если вы должны изобретать ответ своему пятилетнему сыну, спрашивающему с отчаянным пафосом: «Папа, почему белые люди так плохо обращаются с цветными?»; если вы едете по стране и видите, что вам приходится ночь за ночью, скорчившись, спать в углу своего автомобиля, потому что ни один мотель вас не принимает; если вас унижают день за днем постыдными надписями: «для белых» и «для цветных»; если вашим первым именем становится «ниггер», а средним именем — «малый» (сколько бы ни было вам лет), а вместо фамилии вас называют «Джон» и если вашу жену и мать ни-

когда не величают уважительно «миссис»; если вы изводите днем и мучимы ночью от мысли, что вы — негр и потому вынуждены постоянно быть начеку, никогда не зная, чего ожидать в следующий момент, отравленные внутренними страхами и внешним негодованием; если вы всегда сражаетесь с убивающим ощущением, что вы — «никто»; тогда вы поймете, почему нам так трудно ждать. Приходит время, когда чаша терпения переполняется и люди больше уже не хотят погружаться в бездну несправедливости, где испытывают черное, разъедающее душу отчаяние. Я надеюсь, господа, что вы в состоянии понять наше законное и неизбежное нетерпение.

Вы выражаете большое беспокойство по поводу нашего желания нарушить законы. Это безусловно правомерное беспокойство. С тех пор как мы так усердно убеждали людей подчиниться решению Верховного суда в 1954 г., объявившего незаконной сегрегацию в государственных школах, довольно странно и парадоксально находить, что мы сознательно нарушаем законы. Нас вправе спросить: «Как это вы можете защищать нарушение одних законов и подчинение другим?» Ответ заключается в том факте, что имеется два типа законов: *справедливые* и *несправедливые* (здесь курсив М. Л. Кинга. — Прим. пер.). Я согласился бы со святым Августином, что «несправедливый закон — это и не закон вовсе».

Каково же различие между этими двумя видами? Как определить, справедлив закон или несправедлив? Справедливый закон — это созданное людьми установление, которое отвечает нравственному закону, или закону Божию. Несправедливый закон — это установление, которое не соответствует нравственному закону. Если говорить словами св. Фомы Аквинского, несправедливый закон — это человеческий закон, который не коренится в вечном и естественном законе. Любой закон, который возвышает человеческую личность, справедлив. Любой закон, который принижает человеческую личность, несправедлив. Все статулы, провозглашающие сегрегацию, несправедливы, потому что сегрегация искажает душу и наносит вред человеческой личности. Она дает стороннику сегрегации ложное чувство превосходства, а противнику сегрегации — ложное чувство приниженности. Говоря словами Мартина Бубера, великого еврейского философа, сегрегация подменяет отношение «Я — оно» отношением «Я — ты» и заканчивается низведением личностей до положения вещей. Таким образом, сегрегация не только политически, экономически и социологически нездорова, но и нравственно ложна и греховна. Пол Тиллих сказал, что грех — это разделение. Разве сегрегация не является экзистенциальным выражением трагического отделения человека, выражением его ужасного отчуждения, его отчаянной греховности? Поэтому я могу убеждать людей не подчиняться установлениям сегрегации, ибо они нравственно ложны.

Давайте обратимся к более конкретному примеру справедливых и несправедливых законов. Несправедливый закон — это установление, которое большинством навязывает меньшинству, но которое необязательно для большинства. Это различие, сделанное законным. С другой стороны, справедливый закон — это установление, которое указывает, что меньшинство должно следовать тому, чему следует и само большинство. Это одинаковость, сделанная законной.

Позвольте мне дать другое объяснение. Несправедливый закон — это установление, навязанное меньшинству, в принятии или создании которого это меньшинство не принимало участия, так как оно не имело свободного права голоса. Кто может сказать, что законодательные органы Алабамы, которые установили законы о сегрегации, были избраны демократическим путем? По всему штату Алабама были использованы всевозможные способы, чтобы помешать регистрации негров в качестве избирателей, и есть целые графства, где не зарегистрировано избирателем ни одного негра, несмотря на тот факт, что негры составляют большинство населения. Может ли любой закон, выпущенный в таком штате, рассматриваться как демократический?

Это всего лишь несколько примеров несправедливых и справедливых законов. Бывают ситуации, когда один и тот же закон справедлив с виду, но несправедлив при его применении. Например, я был арестован в пятницу при выходе на демонстрацию, организованную без разрешения. Нет ничего плохого в том указе, который требует разрешения на демонстрацию, но когда этот указ используется для того, чтобы сохранить сегрегацию и лишить граждан предусмотренного в первой поправке к конституции права на мирные собрания и мирный протест, тогда этот указ становится несправедливым.

Я надеюсь, вы улавливаете различие, на которое я пытаюсь указать. Ни в коем случае я не защищаю уклонения от закона или пренебрежения им, как сделали бы это оголтелые сегрегационисты. Это повело бы к анархии. Тот, кто нарушает несправедливый закон, должен делать это *открыто, с любовью* (а не с ненавистью, как это делали белые матери в Новом Орлеане, которые, мы видели это по телевизору, вопили: «ниггер, ниггер, ниггер!») и с готовностью принять наказание (курсив М.Л. Кинга. — *Прим. пер.*). Я смею утверждать, что человек, нарушающий закон, о котором совесть его говорит, что он несправедлив, и добровольно принимающий наказание, оставаясь в тюрьме, чтобы пробудить в обществе совесть и сознание несправедливости происходящего, в действительности выражает высочайшее уважение к закону.

Конечно, ничего нового в этом виде гражданского неповиновения нет. В возвышенном плане это молено видеть в отказе Седраха, Мисаха и Авденаго повиноваться законам Навуходоносора, ибо здесь был

затронут высший нравственный закон. Это великолепно применялось ранними христианами, которые предпочитали встретиться с голодными львами и претерпеть мучительную боль, когда разрывали на куски их тела, нежели подчиниться несправедливым законам Римской империи. До некоторой степени академическая свобода стала сегодня реальностью потому, что Сократ применял гражданское неповиновение.

Никогда не следует забывать, что все, что Гитлер делал в Германии, было «законным» и все, что делали венгерские борцы за свободу в Венгрии, было «незаконным». «Незаконно» было помогать евреям и прятать их в гитлеровской Германии. Но я уверен, что если бы я жил в Германии в то время, я бы помогал своим еврейским братьям и прятал бы их, даже несмотря на то, что это было незаконно. Если бы я жил сегодня в коммунистической стране, где принципы, дорогие для каждого верующего христианина, попираются, я полагаю, я открыто выступал бы за неповиновение этим антирелигиозным законам. Я должен сделать два честных признания вам, мои христианские и иудейские братья. Во-первых, я должен признаться, что в течение последних нескольких лет я испытал тяжелое разочарование белыми умеренными. Я почти что пришел к печальному выводу, что самый большой камень преткновения в стремлении негров к свободе — не член Совета белых граждан и не куклуксклановец, а умеренный белый, который предан более «порядку», чем справедливости; который предпочитает негативный мир, означающий отсутствие напряженности, позитивному миру, означающему присутствие справедливости; который постоянно повторяет: «Я согласен с вами относительно цели, к которой вы стремитесь, но не могу согласиться с вашими методами прямого воздействия»; который самодовольно полагает, что может установить расписание для освобождения других людей; кто живет мифом времени и постоянно советует неграм подождать до «более подходящего момента». Поверхностное понимание со стороны людей доброй воли более огорчительно, чем абсолютное непонимание со стороны людей злой воли. Теплохладное приятие гораздо более сбивает с толку, чем прямое отвержение.

Я надеялся, что белые умеренные поймут, что закон и порядок существуют для того, чтобы установить справедливость, и что, когда не удастся сделать этого, закон и порядок становятся опасной преградой, которая блокирует поток социального прогресса. Я надеялся, что белые умеренные поймут, что существующая сейчас на Юге напряженная обстановка — это просто необходимая фаза перехода от невыносимого негативного мира, при котором негры пассивно принимали свое несправедливое незавидное положение, к сущностно важному позитивному миру, при котором все люди будут ува-

жать достоинство и честь человеческой личности. Собственно, мы, те, кто вовлечен в ненасильственные прямые акции, не являемся создателями напряженной обстановки. Мы просто выносим на поверхность ту скрытую напряженность, которая уже существует. Мы извлекаем ее на свет и делаем открытой, чтобы ее могли увидеть и преодолеть. Подобно тому, как нарыв, который никак невозможно излечить, пока он закрыт, должен быть вскрыт со всем его гнойным уродством и предоставлен естественному целебному воздействию воздуха и света, несправедливость тоже должна быть вскрыта со всей напряженностью, которую создаст такое вскрытие, и выведена на свет человеческой совести и на воздух общественного мнения нации перед тем, как начать лечение.

В своем заявлении вы утверждаете, что наши действия, даже и мирные по характеру, следует осудить, потому что они ввергают в насилие. Но логично ли такое утверждение? Не походит ли оно на осуждение ограбленного человека за то, что его владение деньгами навлекло на него злодейство грабежа? Не подобно ли это осуждению Сократа из-за того, что его неколебимая приверженность истине и его философские изыскания навлекли на него злоеущую волю толпы, которая заставила его выпить чашу с цикутой? Не подобно ли это осуждению Иисуса за то, что его уникальное сознание Бога и непреклонная преданность Его воле навлекли на него злодейский акт распятия? Мы должны понять, как постоянно подтверждали это федеральные суды, что безнравственно заставлять человека прекращать усилия по борьбе за свои основные конституционные права, потому что эта борьба может повлечь за собой насилие. Общество должно защитить ограбленного и наказать грабителя.

Я надеялся также, что белые умеренные отвергнут миф времени. Сегодня утром я получил письмо от белого брата из Техаса, где говорится: «Все христиане знают, что цветные люди со временем получат равные с белыми права, но, возможно, вы слишком спешите в своем религиозном рвении. Христианству понадобилось почти две тысячи лет, чтобы достигнуть того, что оно имеет сейчас. Учению Христа понадобилось время, чтобы прийти на Землю». То, что здесь сказано, идет от трагического непонимания сущности времени. Существует странное, иррациональное убеждение, что в самом ходе времени есть нечто, что неизбежно исцелит все болезни. На деле же время нейтрально. Его можно использовать либо разрушительно, либо созидательно. Я начинаю думать, что люди злой воли использовали время гораздо более эффективно, чем люди доброй воли. Нашему поколению следует покаяться не просто за едкие слова и действия плохих людей, но и за ужасное молчание хороших людей. Мы должны увидеть, что человеческий прогресс никогда не катится на колесах

неизбежности. Он идет благодаря неустанным усилиям и постоянному труду людей, желающих быть соратниками Бога, и без этого тяжелого труда само время становится союзником сил социальной стагнации. Мы должны творчески использовать время и постоянно помнить, что время всегда приспело для добрых дел. Ныне настало время сделать реальностью обещания демократии и превратить нашу нерешительную национальную элегию в созидательный псалом братства. Ныне настало время поднять нашу национальную политику из зыбучего песка расовой несправедливости на прочную скалу человеческого достоинства.

Вы называете нашу деятельность в Бирмингеме крайностью. Поначалу я был несколько обескуражен тем, что братья-священнослужители рассматривают мои ненасильственные усилия как экстремистские. Я начал думать о том, что стою посредине между двух противоположных сил в негритянском сообществе. Одна из них — это сила самоуспокоения; им охвачены негры, которые в результате долгих лет угнетения настолько лишились самоуважения и чувства, что они что-то значат, что приспособились к сегрегации, и немногие негры среднего класса, которые, имея ученую степень и экономическую безопасность, а иногда и кое-какую экономическую выгоду от сегрегации, подсознательно стали безразличными к нуждам негритянских масс. Другая сила — это сила горечи и ненависти, и она весьма близко подходит к тому, чтобы выступить за насилие. Она воплощается в различных негритянских националистических группах, возникающих по всей стране; самое крупное и известное из них — это мусульманское движение Элайи Мохаммеда. Это движение порождено свойственным нашему времени отчаянием, вызванным продолжающимся существованием расовой дискриминации. Оно составлено из людей, которые потеряли веру в Америку, которые полностью отреклись от христианства и пришли к выводу, что белый человек — это неисправимый «дьявол». Я попытался встать между этими двумя силами, говоря, что мы не должны следовать «ничего неделанию» самоуспокоившихся или ненависти и отчаянию черных националистов. Существует более достойный путь любви и ненасильственного протеста. Я благодарен Богу, что под влиянием негритянской церкви идея ненасилия пришла в нашу борьбу. Если бы эта философия не появилась, я уверен, что многие улицы на Юге были бы сейчас залиты потоками крови. И еще я убежден, что если наши белые братья отвергнут как «мятежников» и «чужаков-агитаторов» тех из нас, кто идет по пути ненасильственных прямых действий, и откажутся поддерживать наши ненасильственные усилия, то миллионы негров станут искать утешения и защиты от депрессии и отчаяния в черных националистических идеологиях, а это —

процесс, который неизбежно приведет к устрашающему кошмару расовых столкновений.

Угнетенные люди не могут всегда оставаться угнетенными. Настоятельная потребность в свободе в конце концов придет. Это то, что случилось с американским негром. Что-то внутри напомнило ему о его прирожденном праве на свободу; что-то вне его напомнило, что он может достичь ее. Сознательно и неосознанно он оказался захваченным тем, что немцы называют Zeitgeist (дух времени. — Прим. пер.) и вместе со своими черными братьями в Африке и темнокожими и желтолицыми братьями в Азии, Южной Америке и Карибском бассейне двинулся с чувством космической насущной необходимости к земле обетованной расовой справедливости. Тот, кто осознает эту жизненно насущную необходимость, которая заполонила негртянское сообщество, легко поймет роль публичных демонстраций. У негра в душе накопилось множество подавленных обид и скрытых недовольств. Ему нужно освободиться от них. Поэтому позвольте ему иногда помаршировать; позвольте ему пойти в своем молитвенном паломничестве к городской ратуше; поймите, зачем ему нужны сидячие забастовки и марши свободы. Если его подавленные эмоции не найдут выхода в ненасильственных действиях, они выразятся в зловещих актах насилия. Это не угроза; это исторический факт. Поэтому я не говорил моему народу: «Отбрось свое недовольство». Но я пытался сказать, что это нормальное и здоровое недовольство может быть направлено по пути созидательных ненасильственных прямых действий. Сейчас этот подход был отвергнут как экстремистский. Должен признаться, я был чрезвычайно разочарован такой характеристикой.

Но по мере того как я продолжал размышлять обо всем этом, я вдруг почувствовал некоторое удовлетворение тем, что меня считают экстремистом. Разве Иисус не был экстремистом в любви — «Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Разве Амос не был экстремистом в справедливости — «Пусть справедливость течет как воды и праведность как могучий поток» А разве Павел не был экстремистом за Евангелие Иисуса Христа — «Я ношу на теле моем знаки Господа Иисуса». Разве Мартин Лютер не был экстремистом — «На том стою; я не могу делать ничего иного, так что помоги мне Бог». Разве Джон Бэн्यान не был экстремистом — «Я лучше буду оставаться в тюрьме до конца дней моих, чем подвергну резне мою совесть». Разве Авраам Линкольн не был экстремистом — «Эта нация не сможет выжить, если будет оставаться наполовину рабской, наполовину свободной». Разве Томас Джефферсон не был экстремистом — «Мы полагаем самоочевидной ту истину, что все люди созданы равными»—Так что вопрос не в том, являемся ли мы экстремистами, а в том,

какими экстремистами мы являемся. Будем ли мы экстремистами за ненависть или экстремистами за любовь? Будем ли мы экстремистами за сохранение несправедливости — или экстремистами за дело справедливости? В трагической сцене на Голгофе были распяты три человека. Мы не должны забывать о том, что все три были распяты за одно и то же преступление — преступление экстремизма. Два были экстремисты безнравственности и пали ниже своего положения. Третий, Иисус Христос, был экстремистом за любовь, истину и добро и тем самым поднялся над своим положением. Так что, может быть, Юг, нация и весь мир отчаянно нуждаются в созидательных экстремистах.

Я надеялся, что белые умеренные это увидят. Может быть, я был настроен слишком оптимистически. Может быть, я слишком многого ожидал. Я полагаю, что должен был понимать, что лишь немногие представители той расы, которая угнетала другую расу, смогут воспринять или оценить идущие из глубины души стенания и страстные устремления тех, кто был угнетен, и еще меньшее число их в состоянии признать, что несправедливость следует вырвать с корнем путем сильных, настойчивых и целенаправленных действий. Я признателен, однако, что некоторые из наших белых братьев осознали значение этой социальной революции и посвятили себя ей. Число их все еще очень мало, но достоинства их велики. Некоторые из них — *Ральф Мак-Джилл, Лилиан Смит, Гарри Голден и Джеймс Дэббс* — написали о нашей борьбе красноречивыми, пророческими и полными понимания словами. Другие шли вместе с нами по безымянным улицам Юга. Они томились в грязных, кишачных тараканами тюрьмах, страдая от оскорблений и жестокостей сердитых полицейских, которые смотрели на них как на «грязных негролюбив». Они в отличие от стольких своих умеренных братьев и сестер признали серьезность момента и почувствовали необходимость мощной акции, дабы победить язву сегрегации.

Позвольте мне поспешить дальше и сказать о другом моем разочаровании. Я был крайне разочарован церковью белых и ее руководством. *Конечно, есть примечательные исключения. Я не забыл того факта, что каждый из вас занял достойную позицию в этом деле. Я высоко ценю вас, преп. Стэллингс, за вашу христианскую позицию, проявленную в минувшее воскресенье, когда вы пригласили негров приходить на ваши богослужения без учета сегрегации. Я высоко ценю католических лидеров этого штата за введение несколько лет назад совместного обучения в колледже Спрингхилл.*

Но несмотря на эти примечательные исключения, я должен честно повторить, что я разочарован церковью. Я не говорю это как один из огульных критиков, который всегда может найти что-то плохое в церкви. Я говорю это как служитель Евангелия, который любит цер-

ковь; который возрос на ее лоне; который жил ее духовными благословениями и который останется верным ей, пока длится его жизнь.

У меня возникло странное чувство, когда я несколько лет назад внезапно оказался во главе движения автобусного бойкота в Монтгомери, что нас поддержит белая церковь. Мне казалось, что белые проповедники, священники и раввины Юга будут в числе самых сильных наших союзников. Вместо этого некоторые из них стали нашими прямыми противниками, отказавшись понять движение за свободу и представляя в ложном свете его лидеров; а множество других вели себя скорее осторожно, чем смело, и остались за безопасным прикрытием витражных стекол своих храмов.

Несмотря на свои разбитые в прошлом мечты, я приехал в Бирмингем с надеждой, что белое религиозное руководство его общины осознает справедливость нашего дела и с глубокой нравственной озабоченностью послужит тому, чтобы наши справедливые жалобы дошли до структур власти. Я надеялся, что каждый из вас поймет это. Но я снова испытал разочарование. Я слышал, как многие религиозные лидеры Юга призывают свою паству подчиниться решению о десеграции, потому что это — закон, но я очень хотел бы услышать, как белые проповедники говорят: «Исполняйте этот указ, потому что интеграция нравственно праведна и негры — ваши братья» (курсив М.Л. Кинга. — Прим. пер.). Посреди вопиющих несправедливостей по отношению к неграм я видел, как белые церкви стоят в стороне и беззвучно шепчут какие-то благочестивые, но неуместные замечания и ханжеские тривиальности. Посреди ожесточенной борьбы за то, чтобы народ наш освободился от расовой и экономической несправедливости, я слышал, как многие проповедники говорили: «Это социальные проблемы, к которым Евангелие, собственно, не имеет касательства», и наблюдал, как многие церкви посвящают себя совершенно надмирной религии, которая проводит странное различие между телом и душой, священным и мирским.

И так мы движемся к концу двадцатого столетия с религиозным сообществом, в большинстве своем приспособившимся к статус-кво, стоящим, словно хвостовой огонь, позади других организаций сообщества, а не как головной огонь, ведущий людей к более высоким уровням справедливости.

Я изъездил вдоль и поперек Алабаму, Миссисипи и все другие южные штаты. Знойными летними днями и бодрящими осенними утрами я смотрел на прекрасные церкви с их надменными шпилями, указующими в небеса. Я получил огромное впечатление от массивных зданий религиозных образовательных центров. И снова и снова я вопрошал: «Что за люди молятся здесь? Кто их Бог? Где были их голоса, когда уста губернатора Барнетта роняли слова о вмешательстве

и аннулировании? Где они были, когда губернатор Уомес издал боевой клич, призывая к нарушению распоряжений и к ненависти? Где были их голоса поддержки, когда усталые, избитые и оборванные негритянские мужчины и женщины решили подняться от тесных низин самоуспокоенности к сияющим холмам созидательного протеста?»

Да, эти вопросы все еще остаются в моей душе. С глубоким разочарованием я оплакал равнодушие церкви. Но будьте уверены, что слезы мои были слезами любви. Не может быть глубокого разочарования там, где нет глубокой любви. Да, я люблю церковь; я люблю ее священные стены. Как я могу поступить иначе? Я в уникальном положении, потому что я — сын, внук и правнук церковнослужителей. Да, я рассматриваю Церковь как Тело Христово. Но Боже! Как мы запятнали и запачкали это тело социальным небрежением и страхом, что нас сочтут неконформистами!

А ведь было время, когда церковь была очень сильна. Именно в тот период ранние христиане радовались, когда удаивались пострадать за то, во что они верили. В те дни церковь была не просто термометром, фиксирующим идеи и принципы общественного мнения; она была термостатом, который трансформировал нравы общества. Как только ранние христиане входили в город, местные власти пугались и тут же старались объявить их «нарушителями мира» и «чужаками-агитаторами». Но те продолжали держаться своего убеждения, что они — «небесная община» и должны подчиняться Богу, а не людям. Они были малы числом, но велики своей преданностью делу. Они были слишком проникнуты Богом, чтобы их было можно запугать. Они положили конец таким порокам античности, как убийство младенцев и гладиаторские бои.

Все сейчас изменилось. Современная церковь часто имеет слабый, плохо слышимый голос с неопределенным звуком. Она часто с усердием поддерживает статус-кво. Властей сейчас не беспокоит присутствие церкви; их удовлетворяет молчаливое, а часто и высказываемое вслух согласие церкви с тем, что творится в обществе.

Но суд Божий лежит на церкви более, чем когда-либо. Если сегодня церковь не возродит жертвенный дух ранней церкви, она потеряет свой подлинный голос, предаст верность миллионов и будет распущена как бесполезный общественный клуб, не имеющий никакого значения для двадцатого века. Я каждый день встречаю молодых людей, чье разочарование церковью доходит до прямого отращения.

Может быть, я опять настроен слишком оптимистически. Так ли уж неразрывно организованная религия связана со статус кво, чтобы помешать спасти наш народ и весь мир? Возможно, я должен обратить свою веру к внутренней духовной церкви, церкви внутри церкви как истинной ecclesia и надежде мира. Но я опять благодарю Бога за то, что некоторые благородные души из рядов организованной

религии вырвались на свободу из парализующих цепей конформизма и присоединились к нам, и стали активными участниками борьбы за свободу. Они оставили свои конгрегации, где находились в полной безопасности, и вместе с нами прошли по улицам Олбани, штат Джорджия. Они шагали по дорогам Юга, участвуя в рискованных рейдах свободы. Да, и пошли вместе с нами в тюрьму. Некоторые были изгнаны из своих церквей, лишились поддержки епископов и собратьев-проповедников. Но они действовали, полные веры, что лучше потерпеть поражение за правое дело, чем победить в дурном. *Их свидетельство стало той духовной солью, которая сохраняла истинное значение Евангелия в эти беспокойные времена. Они прокладывали туннель надежды в темной горе разочарования.*

Я надеюсь, что церковь как единое целое ответит на вызов, брошенный в этот решающий час. Но даже если церковь не выступит в поддержку справедливости, я не буду отчаиваться в будущем. У меня нет страха перед последствиями нашей борьбы в Бирмингеме, даже если в настоящее время мотивы нашей борьбы остаются непонятными. Мы добьемся свободы в Бирмингеме и по всей стране, *потому что цель Америки — свобода.* И как бы нас ни оскорбляли и ни осмеивали, судьба наша связана с судьбой Америки. Еще до того как Отцы-пилигримы высадились в Плимуте, мы уже были здесь. До того как перо Джефферсона вывело на страницах истории великие слова Декларации Независимости, мы были здесь. Ибо более двух столетий наши праотцы трудились в этой стране, не получая никакой платы; они сделали царем хлопок; они построили дома своим хозяевам, страдая от страшной несправедливости и постыдных унижений, — и все-таки с неисчерпаемым жизнелюбием продолжали цвести и развиваться. Если невыразимые жестокости рабства не смогли остановить нас, то уж противодействие, которое мы встречаем сейчас, наверняка потерпит поражение. Мы завоюем себе свободу, потому что священное наследие нашего народа и извечная воля Божия воплощены в наших требованиях.

Прежде чем я закончу, я полагаю, что должен упомянуть еще один пункт в вашем заявлении, который огорчил меня до глубины души. Вы с теплой похвалой отозвались о полиции Бирмингема за то, что она поддерживала «порядок» и «препятствовала насилию». Я сомневаюсь, чтобы вы с такой теплотой похвалили полицию, если бы видели, как полицейские собаки в буквальном смысле кусали шестерых безоружных, не употреблявших насилия негров. Я не могу поверить, чтобы вы так быстро одобрили полицейских, если бы видели их отвратительное и бесчеловечное обращение с неграми здесь, в городской тюрьме; если бы вы наблюдали, как они толкают и осыпают бранью старых негри-

тянских женщин и молоденьких негритянских девушек; если бы вы видели, как они хлещут по щекам и пинают старых негров-мужчин и молодых ребят; если бы вы посмотрели, как они дважды отказались дать нам пищу, потому что мы хотели вместе пропеть нашу молитву. Я сожалею, что не могу присоединиться к вашим похвалам в адрес департамента полиции.

Правда, они были довольно дисциплинированы, когда сдерживали демонстрантов. В этом смысле на публике они применяли «ненасилие». Но с какой целью? Чтобы сохранить порочную систему сегрегации. В течение последних пяти лет я постоянно проповедовал: ненасилие требует, чтобы средства, которые мы используем, были так же чисты, как наши цели. Таким образом я пытался разъяснить, что неправильно использовать безнравственные средства, чтобы достичь нравственных целей. Но теперь я должен сказать, что столь же, или даже еще больше неправильно использовать нравственные средства для достижения безнравственных целей. Может быть, м-р Коннор и его полицейские на публике не применяли насилия, как и шеф Притчетт в Олбани, штат Джорджия, но они использовали нравственные средства ненасилия, чтобы послужить безнравственным целям вопиющей расовой несправедливости. Т. С. Элиот сказал, что нет большей измены, чем делать добрые дела из дурных побуждений.

Я хотел бы, чтобы вы высоко оценили участников негритянских демонстраций в Бирмингеме за их великую смелость, за их готовность пострадать и поразительную дисциплину, которая сохранялась, несмотря на самые бесчеловечные провокации. Когда-нибудь Юг признает своих подлинных героев. Это будет Джеймс Мередит, отважно и с огромным чувством великой цели встретивший глумящиеся враждебные толпы и чудовищное одиночество, отметившее его жизнь первопроходца. Это будут старые, угнетенные, измученные негритянки, символом которых стала 72-летняя женщина из Монтгомери, штат Алабама; она поднялась на борьбу с чувством собственного достоинства и вместе со своим народом решила не ездить в автобусах, предназначенных для черных, и ответила человеку, который спросил о причине ее усталости, с невыразимой глубиной: «Ноги мои устали, а душа отдыхает». Это будут юные студенты колледжей и старшекласники, молодые проповедники Евангелия, и множество пожилых негров, отважно и ненасильственно сидевших у буфетной стойки и добровольно пошедших в тюрьму за свои убеждения. Придет время, и Юг узнает, что когда эти лишённые наследства дети Божий сидели у буфетной стойки, они на самом деле стояли за самое лучшее в американской мечте и за самые священные ценности в нашем иудео-христианском наследии и тем самым возвращали всю нашу страну назад, к тем великим колодцам демократии, которые были глубоко вырыты

Отцами-Основателями, сформулировавшими конституцию и Декларацию Независимости.

Я никогда раньше не писал такого длинного письма (или следует назвать его книгой?). Боюсь, оно слишком длинно и займет много вашего драгоценного времени. Могу уверить вас, что оно было бы гораздо короче, если бы я писал его за удобным письменным столом, но что еще делать, когда вы томитесь один целыми днями в скучной монотонности тесной тюремной камеры, как не писать длинные письма, думать странные думы и молиться долгими молитвами?

Если я сказал в этом письме что-то такое, что является преувеличением истины и свидетельствует о неразумном нетерпении, прошу вас меня простить. Если я сказал в этом письме что-то такое, что является преуменьшением истины и свидетельствует о том, что я слишком терпелив и смиряюсь с тем, что не ведет ко всеобщему братству, я прошу Бога простить меня.

Я надеюсь, что это письмо застанет вас крепкими в вере. Я надеюсь также, что скоро обстоятельства дадут мне возможность увидеть каждого из вас не в качестве сторонника интеграции или лидера борьбы за гражданские права, но в качестве такого же, как вы, священнослужителя и брата-христианина. Давайте надеяться все вместе, что темные тучи расовых предрассудков скоро развеются и густой туман непонимания поднимется с наших пронизанных страхом общин и в не очень отдаленном будущем сверкающие звезды любви и братства засияют над нашим великим народом во всей своей блистающей красе.

Ваш стоящий за дело мира и братства
Мартин Лютер Кинг-младший.

Martin Luther King, Jr. *Why We Can't Wait* (New York: Harper & Row, 1963, 1964). Американский Комитет Друзей впервые напечатал это письмо в виде брошюры. Оно переиздавалось, возможно, больше, чем что-либо из написанного д-ром Кингом.